

ЗАРЕНИТЬ ЗЕРНО ПРАВДЫ В СЕРДЦЕ ЧИТАТЕЛЯ

220X Беседа с польским писателем
Войцехом ЖУКРОВСКИМ

СОЛДАТАМИ не рождаются. Но те, кто становятся солдатами в боях, остаются ими уже на всю жизнь. Войцех Жукровский стал борцом и солдатом в годы войны с германским фашизмом. Он побывал в качестве военного корреспондента в борющемся Китае, Вьетнаме, Лаосе. И как писатель-солдат он по-прежнему на передовой, в самых острых сражениях на идеологическом фронте.

После введения в Польшу военного положения 13 декабря прошлого года Войцех Жукровский первым среди писателей выступил по телевидению в поддержку вынужденного, трудного, но единственно правильного решения, которое принял Государственный совет ПНР. И его честное и страстное обращение было услышано. И друзьями, и врагами. Многие поляки говорили мне о том, как важно было в те дни, когда во многих домах царил дух неуверенности и горечи, когда радиостанции Запада перекликались со злым шепотком притаившихся недоброжелателей, — как важно было тогда услышать спокойный, рассудительный и авторитетный голос писателя, человека, которого знают и уважают, слову которого верят.

Именно потому, что слово Войцеха Жукровского помогало людям преодолевать сомнения и обретать веру, это слово выводило из себя противников социалистической Польши. И они не замедлили открыть огонь по Жукровскому. Одним из первых был Чеслав Милош, нобелевский лауреат буржуазной милостью. Какое лицемерие! С нападка на писателя-патриота, с обвинениями его в предательстве выступил человек, сам оставивший родину ради корысти.

В 1941 году Чеслав Милош бежал из Вильнюса в оккупированную немцами Варшаву и получил там документ с помет-

кой «дойчшпрехендер литауэр» — «литовец, говорящий по-немецки». И с этим штемпелем третьего рейха он провел всю войну в Варшаве. Во время восстания немцы вывели его в карете «скорой помощи» — странный акт милосердия со стороны тех, кто расстреливал патриотов. Впоследствии, находясь на дипломатической службе, Милош отказался вернуться в Польшу, предпочтя остаться на Западе. И этот человек перекати-поле взялся поучать польских писателей!

Ведущий антипольского шоу, устроенного в январе президентом Рейганом, видимо, сам не заметил убийственной иронии своих слов, когда, объявляя выступление Чеслава Милоша, назвал его «самым выдающимся из ныне живущих польских поэтов, который, однако, все реже пишет свои стихи на польском языке».

И Милош стал читать по-английски стихи об Иуде.

— Ничего не скажешь, автобиографично! — не могли удержаться от сарказма поляки, знающие жизнь этого человека, отказавшегося от своей родины и своего языка.

Витийствующий фарисей голосом радиостанции «Свободная Европа» призвал поляков не читать книг Войцеха Жукровского и в знак протеста против его выступления в поддержку военного положения отсылать его книги обратно, по адресу автора.

И что же? Лишь жалкие одиночки последовали подлому призыву. 14 книг принесла почта Жукровскому, 14 — из 5,5 миллиона экземпляров, напечатанных только в Польше.

А сколько всего у Войцеха Жукровского читателей в мире, никто точно сказать не может. 18 его книг переведены на 23 языка, в том числе на фарси и на японский.

В его доме на полках, заставленных книгами автора на разных языках, стояли произведения Жукровского, вышедшие в Советском Союзе в разные годы: «Сказки Вьетнама», «Дни поражения», «Крещенные огнем», «Повести и рассказы» и другие.

Войцех Жукровский ведет большую общественную работу. Он председатель совета военных писателей, председатель национальной секции Международного совета по литературе для детей и юношества. Он избран депутатом сейма и является заместителем председателя комиссии сейма по вопросам культуры.

В беседе с Войцехом Жукровским разговор заходит о том, как в условиях обостряющейся идеологической конфронтации Запад вел борьбу за влияние на польскую интеллигенцию.

— Делалось все, чтобы известность молодых писателей приходила с Запада, — говорит Войцех Жукровский. — Там внимательно следили за их творчеством. И тем, кто выступал с критикой социализма, платили щедрые гонорары, присуждали различные премии. А кого приглашали на Запад? Если вдуматься, это был список диссидентов. Помимо того, что некоторых молодых таким образом просто покупали, их еще умело воспитывали, публикуя соответствующие рецензии во французской «Монд» и других крупных западных газетах.

— Такую же «работу» вели и с критиками, — продолжает В. Жукровский. — В поездки по США и другим странам Запада приглашались те критики, которые имели склонность хаять социалистический образ жизни. И не случайно эти критики переставали замечать книги писателей, выступавших в поддержку социализма, несмотря на то, что эти произведения нравились многим читателям.

Я спрашиваю Войцеха Жукровского, как он оценивает связь между внутренней и внешней контрреволюцией.

— Польшу считали спичкой, которая должна была поджечь всю социалистическую систему, — говорит он.

— Определенные силы на Западе надеялись вынудить братские страны вмешаться в развитие польских событий. И то бешенство, которое охватило после 13 декабря империалистические силы, прежде всего в США, говорит как раз о том, что их сценарий не удался. Конечно, в своей борьбе против социалистической Польши они не успокоились. Все санкции Рейгана, которые он объявил якобы в поддержку поляков, на деле направлены против польского народа. Враги будут и впредь стараться выискивать недовольных, натравливать их на социализм. И прежде всего ставка — на неопытную молодежь, которую пытаются содрать демагогией, как это имело место в Гданьске в январе этого года.

События в Польше с особой остротой поставили вопрос о гражданской и общественной позиции писателя. Я спрашиваю Жукровского, как в условиях острой идеологической борьбы он оценивает роль писателя в обществе.

— На протяжении ряда лет, — отвечает Жукровский. — часть литературной критики, ориентирующаяся на Запад, считала и упорно рекламировала такую точку зрения: время, когда писатель был совестью народа его духовным вождем а часто и политическим ориентиром, прошло. От писателя-де нельзя требовать наставлений морального порядка, его задача — служить обществу доброкачественными художественными произведениями. Это последнее понятие означало в устах критиков определенного толка книги изысканной формы и декадентского содержания, сконструированные столь искусственно, что они имели лишь минимальный радиус воздействия, не читателя ими восхищались, а только сами же критики. Они же и провозглашали приматом одного сезона, раздували значение иных творений, которые назавтра же забывались. Тогда они выискивали новые «шедевры», не признаваясь в собственных вчерашних просчетах. Они предрекали конец классического романа, восхищались книгами, где искажался образ жизни народа, отсутствовали политические проблемы, творческое горение, старательно замалчивался человек, развивающий свои возможности в социалистическом обществе. Но время — справедливый судья, и оно производит отсев сдувая броскую шелуху и оставляя тяжелое зерно, посевное зерно правды.

Творческая свобода и ответственность за слово для меня

лично никогда не вступали в противоречие. Я пишу о том, о чем хочу, и самое большее, с чем могу столкнуться, — это противодействие со стороны издателя — перестраховщика или бюрократа, а такие тоже порой встречаются. Однако издательство Министерства национальной обороны проявляет отвагу. Поэтому мои книги выходят в свет. Некоторые даже выдерживают по десять изданий, а поскольку назавтра же они исчезают с прилавков магазинов, значит, книги имеют своих читателей.

Я уже стар, все ближе роковой рубеж, и, может быть, поэтому подчас думаю, что жил не напрасно и мир хотя бы на йоту станет лучше; ведь оставлю же я некий след своими книгами или зароню что-то в сердца читателей, что им может пригодиться в их собственной жизни...

Я был солдатом, и, пожалуй, этот горький, суровый жизненный опыт, полученные мной раны, друзья, которых я потерял на войне, сформировали мой характер и мое творчество. Я один из уцелевших и чувствую, что обязан говорить и за тех, которые умолкли навсегда. Поэтому я напоминаю о цене, какой оплачена свобода, поэтому с уважением отношусь к стенам нашего общего дома — к народному государству, его незыблемым законам.

Разговор, естественно, заходит о том, что ныне свободе народов да и самому существованию человеческой цивилизации угрожает безумная гонка ядерных вооружений. Особая опасность нависла над Европой, которую американский империализм стремится превратить в ядерную мишень «ограниченной войны». Я спрашиваю своего собеседника, в чем он видит долг и возможности писателя в деле предотвращения ядерной катастрофы.

— С давних пор, — отвечает В. Жукровский, — американцы стремились к тому, чтобы отдалить последствия всех вооруженных конфликтов от своей территории. В двух войнах это США удалось, они принимали участие в военных действиях, но результаты — опустошительных войн не затронули их собственной земли.

Сегодня они вновь надеются, что будущие вооруженные столкновения разыграются на европейском континенте. Своих союзников они пытаются убедить, что размещение атомных ракет в Федеративной Республике Германии соответствует теории устрашения противника. При этом американские политики забывают, что подобные действия носят обоюдоострый характер, ибо у каждого меча — два острия, а потому чудовищная гонка вооружений ударяет и по США, ложась тяжелым грузом на плечи их собственных граждан.

Я думаю, что писатель вместе с армией читателей, для которых он является авторитетом, может многое сделать в деле осознания человечеством угрозы войны. Он может показать, как целые народы, управляемые лживой информацией, подвергаются манипуляциям, как подвергается обработке общественное мнение, как изменяются симпатии масс, как возбуждается и сеется ненависть.

Писатель, хочет ли он того или нет, — участник преобразования мира. Он воздействует на политическую позицию своих читателей. Даже его молчание, его отшельничество в тиши библиотек могут быть показательны и характерны. Так не лучше ли сознательно избрать свой путь и слова рассматривать как оружие, не лучше ли придавать людям силы и укреплять их веру? Путь к миру ведет через социализм. Это наша общая и вместе с тем польская столбовая дорога.

Владимир ЛОМЕЙКО,
спец. корр.
«Литературной газеты»
ВАРШАВА — МОСКВА